

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ТАРАСОВ Е. Ф.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ К. МАРКСА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Научное наследие К. Маркса содержит разработку методологических проблем общения. Актуальность марксовской концепции общения обусловлена тем, что при исследовании общения в философии, психологии и лингвистике возникает определенная неупорядоченность («перехлестывание») понятийных систем различных уровней анализа: категории методологического уровня иногда без необходимого осмысления используются на теоретическом уровне в специальных дисциплинах, общенаучные понятия фигурируют в качестве методологических категорий и т. п. Моделирование общения для целей лингвистики, моделирование деятельности людей (составная часть которой есть общение, если деятельность является совместной деятельностью) с необходимостью требует обращения к методологическому уровню, т. к. понятия общения, деятельности, а также связанное с ними понятие общественных отношений являются категориальными понятиями, соотносимыми с методологическим уровнем исследования. Обращение к методологическому уровню исследования необходимо, естественно, не только потому, что эти понятия являются категориями. Гораздо важнее отсутствие стандартов и нормативных образцов моделирования и, шире, образцов исследования речевого общения в лингвистике.

Использование в лингвистике понятий деятельности, общения, общественных отношений требует выяснения общей схемы соотношения этих понятий на методологическом уровне для последующего использования этой схемы в специальных дисциплинах. Можно утверждать, что наиболее адекватное представление о деятельности, общении, общественных отношениях и сознании личности сформулировано в философской доктрине К. Маркса, которую следует рассматривать как методологию для анализа этих понятий на теоретическом уровне, например, в лингвистике. При построении материалистической философии истории К. Маркс, опираясь на достижения науки своего времени, вскрыл общую схему соотношения этих категориальных понятий и создал предпосылки для адаптации этой схемы в конкретных теоретических дисциплинах. Для понимания его концепции проблем общения необходимо обратиться в первую очередь к «Немецкой идеологии», «Коммунистическому манифесту» и «Капиталу».

В «Немецкой идеологии» К. Маркс совместно с Ф. Энгельсом анализирует понятие общения в системе, центральное место в которой занимает понятие производства и соотносимые с ним понятия — производственные отношения, или отношения производства, средства производства, материальное и духовное производство. «Производство» и «общение» (Verkehr) образуют понятийную пару. Понятие «общение» также соотносится с отношениями общения, способом общения, средствами общения, материальным и духовным общением. Для понимания причин возникновения понятийной пары «производство» — «общение» и для проникновения в логику анализа этих понятий в философском учении Маркса следует помнить, что этот анализ осуществлялся при построении принципиально новой философии истории, при формировании материалистического понимания истории на основе деятельностного принципа, вершиной развития которого в домарксистской философии была философская доктрина Гегеля [1]. Задача дея-

тельность объяснения истории была сформулирована в «Тезисах о Фейербахе»: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [2, с. 1]. И. Кантом, И. Фихте, Ф. Шеллингом и, особенно, Ф. Гегелем было сформулировано понятие деятельности как объяснительного принципа, как категории с универсальным философско-методологическим содержанием. Деятельностный объяснительный принцип в истории философии пришел на смену понятию природы, которое в философии нового времени функционировало в качестве необходимой первоосновы любого познания действительности, в качестве максимально мыслимого предела объяснения [3]. Деятельностный подход — это способ методологического анализа, предметом которого является отношение между субъектом и объектом. Предмет такого анализа — отношение человека к природе и к людям, опосредованное деятельностью, т. е. «деятельность — это и есть человеческий способ отношения к миру» [4, с. 75]. Очевидно, что деятельностный подход как объяснительный принцип, противопоставленный понятию природы, употребляемому в той же функции, означает, что объяснение познаваемых явлений переносится из природной сферы в сферу надприродную, в человеческую деятельность.

Маркс развил далее представление о деятельности как об особым образом структурированной, расчлененной действительности, обладающей внутренними противоречиями, и, следовательно, способной к саморазвитию [5, с. 189]. Поэтому закономерно, что понятие общения в марксовской методологии истории неразрывно связано с понятием деятельности, а деятельностный подход к анализу общения предполагает анализ общения в структуре деятельности. Постулирование генетической и функциональной связи между деятельностью и общением, использование деятельностной схемы при исследовании общения (т. е. описание общения как деятельности) составляет ядро марксистского анализа общения. Принятие или непринятие этих исходных постулатов с самого начала определяет направление исследования общения.

Объектная область исследования общения сформирована Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». Они анализируют различные виды материального общения, в первую очередь торговлю и войну, которые представляют собой добровольный и насильственный обмен и распределение товаров. Мировое общение при капитализме принимает форму мирового рынка. В этой же работе Марксом и Энгельсом сформулированы критерии сходства и различия деятельности и общения. Субъектом как деятельности, так и общения является человек; в производственной деятельности реализуется отношение человека к природе, в общении — отношение человека к человеку. Объект производственной деятельности — природа, мир предметов, объект общения — человек; цель производства — «обработка природы людьми», цель общения — «обработка людей людьми» (попутно заметим, что здесь недвусмысленно показано, что и общение описывается в деятельностной, «субъектно-объектной» схеме).

Для формирования адекватного представления о речевом общении существенно обоснование генетической и функциональной связи деятельности и общения. Исходной, первичной формой деятельности, в структуре которой формируется общение (как элемент этой структуры), является деятельность производственная, труд. По мере развития общества, а, следовательно, по мере усложнения форм и средств деятельности и общения возникают не только такие виды общения, которые действительно обособились от генетически исходной деятельности (как, например, праздники), но и такие, которые только создают иллюзию обособленности. Для анализа подобных форм общения первостепенное значение имеет обоснованное Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» положение о детерминирующей роли деятельности по отношению к порожденному ею общению и сознанию: «... мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на

словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, а из их действительно жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» [2, с. 25].

Обоснование детерминирующей роли производственной деятельности по отношению к общению и, в частности, по отношению к речевому общению не должно вести к упрощенному пониманию связи деятельности, общения и сознания, особенно если рассматривать общение как один из основных элементов духовного производства, производства сознания. В марксистской философии существуют представления о духовной деятельности как о звене, опосредующем соотношение материального производства, общения и сознания [6, 7]. Это относится даже к тем видам общения, которые оторваны друг от друга в пространстве и во времени, как это бывает в случае анализа письменного сообщения, когда исследователь имеет дело только с фиксацией продукта речевого общения и этот продукт дан ему вне общения и вне деятельности. Какие выводы могут быть сделаны для построения адекватных процедур исследования общения из тезиса о детерминирующей роли деятельности? Самый существенный вывод из факта рассмотрения общения в рамках деятельностного подхода заключается в том, что такой подход переводит общение в качестве объекта исследования из природной сферы в сферу социальную, а это, в свою очередь, делает общение объектом научного социального познания. В отличие от объекта естественно-научного познания объект социального познания «включает в себя и д е а л ь н о е и с у б ь е к т и в н о е (разрядка наша. — Т. Е.) в качестве своих важнейших необходимых моментов и без них не может функционировать и развиваться, поскольку является результатом взаимодействия не стихийных сил, как это имеет место в природе, а существ, одаренных сознанием и волей, имеющих определенные интересы, ставящих соответствующие цели и совершающих известные действия, направленные на их осуществление» [8, с. 5—6].

На теоретическом уровне анализа общения и, в частности, в лингвистике, где исследуется речевое общение, возникает, таким образом, возможность изучения значения как идеального образования, функционирующего в структуре общения. Иначе говоря, квалификация общения как объекта научного социального познания уточняет предметную область исследования языковых и неязыковых знаков и позволяет избежать их чрезмерной идеализации. Такая идеализация состоит в том, что знаки исключаются из реальных процессов производства и восприятия речи. Значение же как идеальное образование хранится только в памяти общающихся людей и оказывается соединенным с «телом» знака только в процессах производства и восприятия речи.

Следовательно, марксова методологическая схема общения дает возможность рассматривать предмет исследования лингвистики — речь — как объект социального познания. Исключение речи из общения и деятельности человека означает отрыв знаков от значений, хранящихся в головах коммуникантов, и перевод речи как объекта анализа в сферу естественно-научного познания.

Аналогичные выводы можно сделать относительно исследования текста как некоторого продукта, возникающего только в процессе общения, т. е. только в процессе производства и в процессе восприятия текста. Строго говоря, лингвист, анализирующий текст как объект научного познания, исследует не текст, а процесс собственного восприятия текста, полагая, что его восприятие текста может служить моделью восприятия текста носителями языка. Однако исследователь часто не учитывает двойственность своей позиции как субъекта восприятия текста и как субъекта познания этого процесса, хотя из этой двойственности следуют важные выводы. Во-первых, может быть поставлена под сомнение правомерность исследования текста путем анализа его смыслового восприятия лингвистом в качестве альтернативы анализу этого процесса испытуемым в эксперименте; во-вторых, возникает проблема различного понимания одно-

го и того же текста говорящим (K_1), слушающим (K_2) и наблюдателем-исследователем. В связи с этим появляется необходимость в когнитивных средствах, фиксирующих это различие, — проблема, трудно разрешимая в лингвистике, не способной зафиксировать вариативность понимания одного и того же текста отдельными участниками общения.

Деятельностный подход к общению позволяет не только включать в объектную область идеальные образования (значения), но и выносить суждения об их содержании и функциях. Такой подход диктует не только необходимость внесения в объектную область идеальных образований, но и задает их определенную — деятельностную — законосообразность. Это значит, что, например, результат планируемой активности человека мыслится в качестве элемента особым образом расчлененной и организованной реальности. Источником и механизмом этой организации является деятельность. В философских доктринах, в которых происходило становление деятельностного подхода, структура деятельности, а следовательно, способ структурирования действительности предполагает вычленение субъекта, объекта, цели, средства, результата деятельности.

Значение тезиса о деятельностной детерминации общения, обоснованное Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» и позднее Марксом в «Капитале», приобретает сейчас, в период оживления интереса к проблемам общения, особое значение. Напомним, что деятельностная детерминация означает не только генетическую и функциональную обусловленность общения деятельностью (общение возникает и каждый раз развертывается в деятельности и для деятельности). Она означает также, что общение, будучи человеческим способом отношения людей друг к другу, является деятельностным отношением, т. е. общение развертывается по той же схеме, что и деятельность: структура деятельности и структура общения содержит субъект (S) и объект (O), в первом случае объектом является природа, мир предметов, во втором — человек.

Осмысление того, что общение строится подобно деятельности и описывается по схеме $S \rightarrow O$, требует определенной аналитической работы. Сложность заключается в том, что повседневное наблюдение казалось бы убеждает нас в том, что в общении оба собеседника в равной мере активны, оба воздействуют речью друг на друга, попеременно выступая в роли субъекта. Создается видимость, что в общении нет объектов, а есть только субъекты. Кроме того, общение как процесс повседневной жизни представляет для каждого человека (в том числе и для исследователя) процесс обычный, привычный, осуществляемый во многом автоматически. При этом некоторые звенья этого процесса ускользают от сознательного контроля, в связи с чем возникает иллюзия их отсутствия. Другими словами, объект научного анализа подменяется объектом наблюдения обычного носителя языка, роль которого для исследователя настолько привычна, что у него возникает соблазн при построении объекта и предмета анализа общения ограничиться самоочевидными фактами.

Для исследования общения могут быть использованы методы и средства анализа, сформированные в рамках диалектической логики [9—13] и примененные в «Капитале»¹. Кроме деятельностного подхода в первую очередь следует иметь в виду метод анализа путем восхождения от абстрактного (A) к конкретному (K).

Этот метод был заимствован Марксом из гегелевской диалектики, развит в «Капитале», получив материалистическое толкование. В начале признания лежит неполное, одностороннее представление о предмете, опирающееся на чувственное восприятие (т. е. сформированное методом от K к A). Это представление элементарно, бедно по содержанию, а потому и абстрактно. В процессе теоретического, опосредованного анализа оно становится богатым по содержанию, разносторонним, соотносительным с общими законами, которые раскрывают механизм существования и развития предмета. «Конкретное потому конкретно, что это есть синтез многих

¹ В частности, опираясь на концепцию общения, сформулированную в «Немецкой идеологии», А. А. Леонтьев предпринимал попытку обосновать психологическую теорию общения [14].

определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт...» [15, с. 37].

С использованием метода восхождения от А к К связана процедура выбора исходной абстракции. Этот метод может быть использован только в развитой теории, сформированной методом от К к А. Поиск исходной абстракции — процесс неоднозначный, сложный [16, с. 64—65]. Марксом и позднейшими исследователями были сформулированы требования к исходной абстракции. Она должна обладать максимальной всеобщностью и воспроизводимостью, должна отражать основное движущее противоречие исследуемого объекта, и, наконец, эта исходная абстракция должна иметь реальное соответствие, прообраз в реальной действительности [17, с. 215—216].

В теории речевого общения, которую образуют представления, возникшие в кибернетике, в теории информации, лингвистике, психологии, психолингвистике на роль исходной абстракции претендует значение, эмпирически (методом от К к А) сформированное в лингвистике и теоретически обоснованное в семантике и семиотике. Значение обладает максимальной всеобщностью (ср. обоснование в концепции образа мира А. Н. Леонтьева [18]), имеет реальное соответствие в виде значений языковых знаков и иных квазипредметных образований и содержит движущее противоречие анализируемого объекта — общения.

Остановимся на противоречиях, содержащихся в значении, которые являются движущей причиной развития общения. Таких противоречий в исходной абстракции несколько. Процесс общения опосредован знаками — речевыми и неречевыми. Это предполагает обмен знаковыми произведениями, состоящими из чувственно воспринимаемых физических субстанций — «тел» знаков, материальное существование которых, по выражению Маркса, поглощено их функциональным существованием [19, с. 140].

Значения, которые коммуниканты связывают с воспринятыми (и воспроизведенными) телами знаков, хранятся в вербальной памяти общающихся. Каждый из общающихся владеет значением не во всем объеме, а только тем фрагментом значения, который сформировался у него в процессе общения и деятельности². Основой взаимопонимания служит совпадающая у обоих коммуникантов часть индивидуальных фрагментов значения. Противоречие между несовпадающими фрагментами значения у общающихся, которое может стать причиной непонимания, привычно и легко снимается в процессе общения за счет перифраз, за счет расширения речевого и неречевого контекста и т. д.

Носитель языка, кроме языковых значений для понимания сообщений, передаваемых при общении, использует также операциональные и предметные значения, которые, наряду с языковыми, представляют собой специфически человеческие формы обобщенного отражения действительности. Знаковым телом таких значений в мыслительных операциях, при помощи которых осуществляется понимание речи, являются визуальные, слуховые, моторные и т. п. образы предметов, их фрагментов, схем [20—22]. Схема действия с предметом составляет содержание операционального значения этого предмета. Возможность осуществления действия по той же схеме и с другим предметом позволяет объединить их в один класс, т. е. определить один предмет через другой, дать новому предмету обобщенную характеристику.

Предметные значения — это также обобщенное отражение человеком «предметов как реальных конструкторов действительности, выработанных в процессе общественно-исторической практики человечества» [25, с. 25]. Каждый предмет, вовлеченный в сферу человеческой деятельности, не только символически представлен «телом» языкового знака, замещен им в речевом общении и речевом мышлении и раскрыт в языковом значении,

² Идея развития значения у отдельной личности в процессе ее социализации обоснована в психологии и используется в психолингвистике [23, 24].

но имеет собственное предметное значение, которое формируется у человека в процессе включения этого предмета в деятельность [26, с. 25].

Исследование мышления в психологии позволяет сделать вывод, что и взрослый человек мыслит не только при помощи языковых, но и при помощи операциональных и предметных значений. Поэтому содержание, передаваемое в общении, мыслится в операциональных, предметных и языковых значениях, а передается только в языковых знаках, исключая те случаи, правда, довольно многочисленные, когда вербальный текст сопровождается неязыковыми средствами. Воспринятое в языковых знаках содержание мыслится также и в операциональных, и в предметных значениях. Это противоречие когнитивных средств, в которых перерабатывается передаваемое содержание, и коммуникативных, в которых оно передается, в общении конкретизируется в противоречии между когнитивными и коммуникативными средствами говорящего и слушающего³. Вместе с тем такое противоречие может быть представлено несколько по-иному. Речевой текст — это средство непрямого смыслового восприятия реального мира. В результате такого восприятия формируется (и частично воспроизводится при опоре на прошлый опыт) образ мира, точнее — некоторый конкретный фрагмент этого образа. В тексте представлена, естественно, только часть этого образа — другая часть, известная слушателю, опускается говорящим (ср. так называемые смысловые скважины Н. М. Жинкина). Восполнение этих «смысловых скважин» происходит в мыслительной деятельности посредством языковых, операциональных и предметных значений. (В лингвистике этот процесс описывается как понимание текста путем привлечения энциклопедических знаний реципиента.)

Объем операциональных и предметных значений в большей мере, чем объем языковых значений, зависит от социального опыта личности: формирование неязыковых значений происходит преимущественно в деятельности, в которую вовлечены познаваемые предметы. Совершенно очевидно, что операциональные и предметные значения — это когнитивные средства, а если согласиться с распространенным и достаточно обоснованным в психологии мнением, что субъективные, в том числе и когнитивные, средства по происхождению являются превращенными (часто многократно) формами предметных действий, то становится очевидна роль индивидуального репертуара деятельностей, осуществляемых личностью в течение жизни, в формировании ее арсенала когнитивных средств. Специфика этого арсенала проявляется как в субъективных образах «тел» знаков (визуальные, слуховые, моторные и др. образы), так и в объеме значений⁴.

Можно резюмировать, что противоречие исходной абстракции при исследовании общения методом восхождения от А к К реализуется в противоречии между объемами языкового значения одного и того же знака, между объемами операциональных и предметных значений и в конечном итоге между объемами фрагментов образов мира K_1 и K_2 . Различие в социальном опыте коммуникантов (в современных лингвистических работах оно схватывается в понятиях энциклопедических знаний, presuppositions) связано также с несовпадением в потребностно-мотивационной сфере коммуникантов, а это несовпадение ведет к нетождественному осмыслению идентичных значений общающимися.

Значение как исходная абстракция применимо не только к исследованию речевого текста, но и к самому процессу общения, к его структуре. Общение рассматривается коммуникантами как некоторый процесс, в котором происходит организация совместной деятельности, т. е. воспринимается в своем прямом значении. Но кроме того общение, оторванное в

³ В лингвистике и психологии давно отмечается, что из речевого сообщения часто извлекается больше информации, чем в него вложено. Обычно это описывается как «привлечение», которое делает слушающий (читающий) к полученной информации.

⁴ Ср. понятие универсально-предметного кода Н. И. Жинкина, который этот код в качестве средства мыслительной деятельности считал индивидуальным по форме образованным [27].

пространстве и времени от деятельности, замещает для коммуникантов саму деятельность. Оно является для них знаком (точнее — «телом» знака) не наблюдаемой в момент общения деятельности, знаком их участия в ней. Общение является также способом актуализации общественных отношений и знаком их наличия между коммуникантами. Таким образом, общение в качестве квазипредметного образования есть превращенная форма деятельности и общественных отношений. В этой функции оно может по-разному пониматься и осмысливаться коммуникантами. В свою очередь деятельность может выступать в качестве превращенной формы общения и общественных отношений (т. е. их знаком), подобно тому, как и общественные отношения могут быть превращенной формой как общения, так и деятельности. Понятие превращенной формы и связанное с ней понятие квазиобъекта (квазипредмета) были введены Марксом для анализа сложных систем, у которых их внутреннее содержание не отражается прямо в форме их существования [19, 28, 29]. Эти иллюзорные формы являются только внешне наблюдаемыми эффектами функционирования сложных явлений, внутреннее строение которых недоступно прямому наблюдению и дано исследователю только в своей превращенной форме. Например, общественные отношения производителей продуктов труда могут быть исследованы через анализ форм общественного отношения самих продуктов труда друг к другу (т. е. отношения людей непрямо, косвенно исследуются через отношения вещей, правда, существующих в особой, превращенной форме, в форме товара). Маркс показал, что превращенная форма существования сложных явлений есть результат непрямого отражения их внутреннего строения во внешних формах. При этом возникает такое слияние отражения внутреннего строения сложного явления с формой его внешнего проявления, которое ведет к искажению этого отражения, к возникновению иррациональных внешних форм существования сложных явлений [30, с. 387—389]. Например, фиксация результатов мыслительных процессов во внешней речи непрямо отображает процесс мышления, который осуществляется при помощи не только вербальных знаков. Введение понятия превращенной формы, в частности, речевого мышления позволяет усматривать в последнем только синкретическое замещение реальных психических процессов мышления и побуждает к движению от абстрактных превращенных форм речевой фиксации мыслительных процессов через логические формы мысли к реальным действиям человека с вещами.

Языковые знаки в качестве заместителей реальных объектов (и явлений) есть превращенная форма существования этих объектов, иначе говоря, языковая форма «тел» этих знаков отображает замещаемые объекты непрямо, искаженно. Связи реальных объектов отображены превращенно в парадигматических и синтагматических характеристиках языковых знаков. Звучащий текст, возникающий в процессе речевого общения, есть также превращенная форма того фрагмента реальной действительности, о котором один коммуникант сообщает нечто другому. Смысловое восприятие текста в процессе общения — это не прямое, опосредованное восприятие фрагмента реальной действительности, которое происходит через прямое восприятие его превращенной формы.

Маркс, используя понятие превращенной формы, сформировал методологические схемы анализа знаковых систем. Эти методологические схемы Маркс построил при исследовании общения посредством обмена деятельностью [31]. В процессе этого общения возникают так называемые «социально-практические системы знаков»⁵, к которым наряду с системой знаков стоимости — эта система была объектом исследования К. Маркса — относится и естественный язык.

Марксова методология анализа социально-практических знаковых систем, к сожалению, еще не освоенная в лингвистике, имеет большое значение для исследования языковых знаков. В лингвистике наиболее существенно осознание деятельности детерминации возникновения значения знаков в социально-практических знаковых системах (становление

⁵ Социально-практическими предлагается называть знаковые системы, которые возникают за пределами познавательной, теоретической деятельности [32, с. 113].

их, однако, происходит только в общении, но не в деятельности) для решения проблемы «язык-мышление». Эта детерминация скрыта для исследователя так называемыми логическими формами мысли, которые представляют собой только превращенные формы деятельности.

Понятие превращенной формы при исследовании речевого общения позволяет обосновать мысль, что социальное взаимодействие может быть феноменологически представлено своими отдельными аспектами: деятельностью, общением, речью. Для восстановления структуры всего социального взаимодействия необходим специальный анализ. Таким образом, обоснование Марксом генетической и функциональной детерминации общения деятельностью, построение категориальной парадигмы «деятельность — общение — общественные отношения», введение понятия превращенной формы и предложение способа содержательного исследования сложных явлений путем восстановления связей превращенной формы с внутренним строением объекта методом восхождения от абстрактного к конкретному задают методологические рамки для решения проблем речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. История диалектики. Немецкая классическая философия. М., 1978.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. — Соч. 2-е изд., т. 3.
3. Юдин Э. Г. Деятельность как объяснительный принцип и предмет исследования. — ВФ, 1975, № 5.
4. Шевреев В. С. Задачи разработки категории деятельности как теоретического понятия. — Труды ВНИИТЭ, 1975, т. 10, с. 75.
5. Маркс К. Капитал. Т. 1. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
6. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Шевреев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. — В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука: Критические очерки буржуазной философии. М., 1972.
7. Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
8. Шептулин П. Л. Диалектика как метод исследования социальных явлений. — Философские науки, 1977, № 3.
9. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.
10. Кедров Б. М. О методе изложения диалектики. М., 1983.
11. Малыковский Л. А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1960, т. 155.
12. Розенталь М. М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1985.
13. Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» Маркса. М., 1967.
14. Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974.
15. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1.
16. Кедров Б. М. О методе изложения диалектики. М., 1983.
17. Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982.
18. Леонтьев А. Н. Образ мира. — В кн.: Избранные психологические произведения. Т. II. М., 1983.
19. Маркс К. Капитал. Т. 1. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
20. Петренко В. Ф. Психологическое исследование значения на словесном и образном уровнях: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1978.
21. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
22. Столин В. В. Проблема значения в акте восприятия и единицы чувственного образа. — Труды ВНИИТЭ, 1973, т. 6.
23. Выготский Л. С. Мышление и речь. — В кн.: Выготский Л. С. Собр. соч. Т. I. М., 1982.
24. Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения. — В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
25. Стеценко А. П. К вопросу о психологической классификации значений. — Вестник МГУ, сер. 14, 1983, № 1, с. 25.
26. Holzkamp K. Sinnliche Erkenntnis. — In: Historischer Ursprung und gesellschaftliche Funktion der Wahrnehmung. Frankfurt-am-Main, 1973.
27. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
28. Маркс К. Капитал. Т. 3. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25.
29. Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Ч. 3. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26.
30. Мамардашвили М. К. Форма превращения. — В кн.: Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
31. Маркс К. К критике политической экономики. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13.
32. Поляков Н. В. Знакомые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск, 1983.